над человеком; разочарование в прогрессе цивилизации; разрушение классовой структуры общества; переживание опыта травмы, в том числе массовой, в беспрецедентных масштабах военного невроза; изменение отношения к Британской империи; трансформация военного опыта в произведения искусства; сближение со сферой потустороннего, обращение к мистическому; переосмысление роли и функций памяти в воспроизведении травматического военного опыта; психоаналитические повествовательные приемы. Писатели художественно доказывают главное трагическое заблуждение культурно-исторического сознания: мы воспринимаем этот внешний мир лишь как объективную реальность, в то время как война есть вирус сознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Freud S.* Thoughts for the Times on War and Death // The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Trans. James Strachey. London: Hogarth, 1957. Pp. 273–300.
2. *Orwell G.* Nineteen Eighty-Four. London: Penguin Books, 1990.
3. *Eksteins M.* Memory and the Great War // The Oxford Illustrated History of the First World War. New York: Oxford University Press, 1998. Pp. 305–317.
4. *Lawrence D.H.* Letter to E. Garnett // The Letters of D.H. Lawrence: in 7 vol. Ed. J.T. Boulton. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1979. Vol. 1. Pp. 476–477.
5. *Cole S.* Modernism, Male Friendship, and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
6. *Salisbury L.* Translating Neuroscience: Fictions of the Brain in the 2000s // The 2000s. A Decade of Contemporary British Fiction. Ed. N. Bentley, N. Hubble, L. Wilson. London: Bloomsbury Academic, 2017. Pp. 83–113.
7. *Bayer G.* World War II Fiction and the Ethics of Trauma // Ethics and Trauma in Contemporary British Fiction. Ed. S. Onega, J.-M. Ganteau. Amsterdam: Rodopi, 1990. Pp. 155–174.
8. *Faulks S.* Where My Heart Used to Beat. Hutchinson, London: Penguin, 2015.
9. Theories of Memory: A Reader. Ed. M. Rossington, A. Whitehead. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007.
10. *Granofsky R.* The Trauma Novel: Contemporary Symbolic Depictions of Collective Disaster. New York: Peter Lang Publishing, Inc., 1995.

ГОВОРИТЬ ПАМЯТНИКАМИ

SPEAKING THROUGH MONUMENTS

С.В. Соловьева

S.V. Solovyova

Самарский государственный университет путей сообщения,
Самара, Россия, metaphisica@rambler.ru
Samara State Transport University,
Samara, Russia, metaphisica@rambler.ru

Статья обращается практикам коммеморации в архитектуре и скульптуре XX-XXI вв. Предметом исследования выступают известные мемориалы,

посвященные Второй мировой и Великой Отечественной войне. Памятник представляется как форма нарратива, по-своему интерпретирующая трагедию мировой войны. В работе обоснована идея о том, что памятник выступает продуктивным соединением объективности истории и мифологизации коллективной памяти.

Ключевые слова: памятник; память; мифологизация; война; история.

The article addresses commemoration practitioners of the 20th-21st centuries. The subject of the study is famous memorials dedicated to the Second World War and the Great Patriotic War. The monument is presented as a form of narrative, interpreting the tragedy of the World War in its own way. The work substantiates the idea that the monument is a productive combination of the objectivity of history and the mythologization of collective memory.

Keywords: monument; memory; mythologization; war; history.

Тема кровопролития, Второй мировой и Великой отечественной войны до сих пор остаётся очень чувствительной для науки, искусства, религиозных институтов, просто людей, даже не видевших ее ужас. Поэтому всякое высказывание о военном прошлом XX века рискованно с интеллектуальной точки зрения (многие гении мощно об этом писали, говорили, творили шедевры), и конфликтно артикулируемо с ценностных позиций (современный ультранационализм тому иллюстрация). Но не говорить об этом нельзя.

Память о трагедии мировой войны середины XX века обширна, по-своему безбрежна, пройдут столетия ее изучения, чтобы приглушить боль нарратора. Пока это не очень получается. Но как говорить о войне? Нарративный поворот в социально-гуманитарных XX века [1] продемонстрировал необозримый эвристический потенциал анализа самых разнообразных практик повествования. Среди самых впечатляющих нарративов – памятники. «Говорить памятниками» – метафора, которая режет ухо образованному читателю. Говорить можно словами, поступками, можно даже показательно молчать. Но памятник – сложноорганизованный нарратив, который представляет важнейшие слои культурных смыслов, конструирует историю через всевозможные формы визуализации смыслов. Есть памятники, обладающие статусом «места памяти», «где память диктует, а история записывает», где дискурс памяти работает в материальном, символическом и функциональном смысле (П. Нора). Памятники создают своеобразные «призывы к воспоминанию», оборачивают нас в прошлое, ритуализируя и символизируя это обращение назад. П. Нора, противопоставляя память и историю, пишет о том, что «места памяти не имеют референции в реальности» [2, с. 47]. Рассматривая памятники Второй мировой войны, рискнем утверждать, что они могут быть проинтерпретированы как «места памяти»,

поскольку не только связаны с реальностью исторического, но, прежде всего, открыты к расширению своих смыслов и значений. В памятниках заключена возможность продуктивного пополнения личной, национальной, коллективной памяти.

Противопоставление истории (объективный взгляд на прошлое, ориентированный на познание истины) и коллективной памяти (политизированный, ценностный, идеологический дискурс) может быть преодолен через разработку более сложной картины коллективной памяти. Тогда мифотворчество в отношении трагического военного прошлого может быть проинтерпретировано как работа над «символическими конструктами», которые объединяют людей, позволяя им «организовать собственную жизнь». Здесь мифологизация прошлого не является способом манипуляции или идеологизации, но памятьствование способствует «коллективному самосознанию и ценностной ориентации» человека во времени [3, с. 21]. В памятнике происходит синтезирование объективности / критичности науки и конструктов архетипической и коллективной памяти, наполняющих прошлое жизнью и идентичностью. Конечно, памятник в разной мере может соединять в себе указанные противоположности, но без этого соединения «текст памятника» не способен «говорить» – быть одновременно историей и памятью, объединять истину и ценность, создавать символический конструкт, открытый для личностного, в том числе и сокровенного, познания прошлого.

В центре нашего внимания несколько архетипических памятников, посвященных Второй мировой войне, они выражают разное видение ее событий. Каждый памятник представляет «свое», «самое свое» мировой войны, но соединяясь вместе, они создают где-то соборные, где-то полифонические образы, концепты, смыслы трудного прошлого.

Мемориал «Хатынь», 1969 г., Беларусь (архитекторы Ю. Градов, В. Занкович, Л. Левин). «Непокоренный человек» (скульптор С. Селиханов), колокола, графичные таблички имен погибших... Строгость линий мемориала сочетается с памятником, представляющий фигуру мужчину с мертвым ребёнком на руках. Пронзительная экспрессивность скульптуры Непокоренного отсылает к живописи Гойи, Мунка, Кошки, Шиле, скульптурам Джакометти. Памятник мифологизарует событие сожжения заживо через обращение к символике огня и голоса. Уничтожающий огонь преобразуется здесь в священный. Огонь как образ трансгрессии символизирует выход в трансцендентное, за пределы человеческих сил и возможностей. Двойственная природа огня (небесная и земная) соединяются в меморизации события: невинные люди, принесённые в жертву через сожжение, наполняют памятник архетипическими образами трагической гибели, с одной стороны, но также и их

воскрешения в коллективной памяти современников, с другой. Колокола, их напряженная ежеминутная переключка, оборачивает внимание к ужасающим голосам людей, переживающих смертоносное насилие, восстанавливает из архива истории их живое присутствие. Хатынь – это огонь и голоса жертв войны.

Ржевский мемориал Советскому Солдату, 2020 г., Россия (скульптор А. Коробцов, архитектор К. Фомин, общее руководство А. Кончаловский). Колоссальная по размерам статуя советского солдата словно парит над искусственно созданным холмом. Рваные края плащ-палатки преобразуются в 35 взлетающих журавлей (аллюзия к Я. Френкелю и Р. Гамзатову) и поднимают крепкую фигуру молодого мужчины в воздух. Ржевский памятник меморизирует солдата, победителя. Спокойная и монументальная фигура героя конструирует «онирический дом» (А. Башляр) [4, с. 93]. Воин стоит на страже самой значимой части родного дома, внушая чувство защищенности. Монумент символизирует образ земли, почвы, взрастившей защитника. Фигура солдата отсылает к древним изображениям мирового древа. Герой олицетворяет победу жизни, плодородности и силы земли над смертью. Впечатляющая монументальность фиксирует метафору твердости, которая имеет как эстетические, так и этические коннотации: твердость – знак силы духа, способности к сопротивлению, знак гнева и гордости, воли и субстанциональности. Ржевский мемориал конструирует метанарратив о героях-победителях, защитниках суверенности, символизирует землю и взгляд (обозрение территории, охват и покровительственное сбережение родного).

«Туфли на набережной Дуная», 2005 г., Венгрия (идея мемориала К. Тогай, скульптор Д. Пауэр). У кромки реки стоят стоптанные детские, женские, мужские туфли. Шестьдесят чугунных пар обуви в память о евреях, расстрелянных в 1944-1945 гг., а еще лаконичная табличка с надписью на венгерском, иврите, английском. Расстрел одного человека приводил к гибели всех 50-60 скованных одной цепью людей. Их тела погружались в воду. Художники в уничтожении, жертвах Холокоста прочитывают образ мифологизированной реки, ужасающего Стикса и летийских вод забвения – царства мертвых, забывающих земную жизнь. В греческой мифологии оракул пьет из двух источников – реки Леты (отрекаясь этим от забот и волнений) и реки Мнемозины (памяти, чтобы увидеть, услышать и запомнить все то, что происходит с ним в трангрессивном опыте погружения в пещеру). Казалось бы, повседневная вещь – изношенная человеческая обувь – создает эффект монументальности, погружая в сложноорганизованный и избыточный мир Данте и гравюр Г. Доре, эстетики «Тетралогии власти» А. Сокурова.

Идеи чистоты, жертвенности, смерти, исчезновении в водной глубине соединяются в исторических событиях расстрелов. Дунай в актуальном моменте удерживает историческое событие принесения невинных в жертву войны. Исчезновение-забвение не удалось. Памятник на набережной Дуная памятствует о безвозвратно утраченном через обращение к архетипическим символам воды и исчезновения.

«Мемориал убитым евреям Европы», 2005 г., Германия (проект архитектора П. Айзенмана победил в международном конкурсе с участием 528 проектов). В центре Берлина, недалеко от бывшей рейхсканцелярии Гитлера, снесенной после падения национал-социализма, воздвигнут деконструктивистский архитектурный ансамбль из 2711 стел / тумб разной ширины и высоты (от нескольких дециметров до 4,7 метров). Расстояние между колоннами чуть меньше метра, поэтому в лабиринте между ними можно ходить только по одиночке. При помощи указанных архитектурных решений создаются такие пересечения пустот, что движение внутри лабиринта всякий раз приобретает индивидуальную траекторию. Пространство то уплотняется, то расширяется, то наполняется воздухом, то сдавливается, хотя деление внутри монумента рационалистично и построено по структуре правильной клетки [5]. Этот памятник среди указанных максимально не эмпиричен, ужас возникает в результате растворения посетителя в инсталляции геометричных фигур. Воздух и пустота лабиринта зашифровывают метафизические смыслы смертоносной войны. Всякий входящий становится дешифровщиком пустоты. Воздух и лабиринтное пространство пустот – символы и мифологемы «Мемориала убитым евреям Европы».

Таким образом, «говорить памятниками» – означает переводить реальность истории в режим эпоса, конструирующегося языками мифов. Нарративность памятников – это многозначность и многообразность этих переводов, их постоянное пополнение смыслами. В этом и состоит продуктивность подобного конструирования исторического прошлого мировой войны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Лехциер В. Л.* Нарративный поворот и актуальность нарративного разума // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 5-8.
2. *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
3. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
4. *Башляр Г.* Земля и грезы о покое / Пер. с франц. Б.М. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001.

5. Воробьев Д. Н. Мемориал Питера Айзенмана // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2018. № 2-1. С. 96-105.

**КОНЦЕПЦИЯ «СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В МИРЕ»
КАК ЗНАЧИМЫЙ ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ США
В ГЛОБАЛЬНОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ**

**CONCEPT OF “INTERNATIONAL RELIGIOUS FREEDOM”
AS A SIGNIFICANT TOOL
OF USA INFLUENCE IN GLOBAL POLITICS**

А.И. Стенько

A.I. Stenko

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,
Москва, Россия, *stenko-ai@rudn.ru*
Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russia, *stenko-ai@rudn.ru*

В настоящее время на мировой арене быстро развивается двуединый процесс «политизации религии и конфессионализации политики». В центре внимания оказываются отношения двух противоположных систем – политики и религии, а также усиление влияния отдельной страны (США) на религиозные процессы в ряде других стран.

Ключевые слова: американский закон «О свободе вероисповедания в мире»; внешняя политика США; религиозный фактор в политике Вашингтона; санкции.

Currently, a dual process of “politicization of religion and confessionalization of politics” is rapidly developing on the world stage. The focus is on the relationship between two opposing systems – politics and religion, as well as the increasing influence of a particular country (the USA) on religious processes in a number of other countries.

Keywords: US International Religious Freedom Act; US foreign policy; religious factor in Washington’s politics; sanctions.

Глобальное сотрудничество и, в частности, взаимодействие Белоруссии и России на текущем этапе испытывают беспрецедентное по масштабу и разнонаправленности давление со стороны бывшего гегемона последовательно уходящего в прошлое однополярного мира – Соединенных Штатов Америки. США и их союзники в отношении своих политических оппонентов не пренебрегают более никакими методами. Главным их инструментом в этом контексте сейчас стали торгово-экономические санкции, которые, однако, не приносят желаемый оппонентами Минска и Москвы эффект. Белорусии и России удастся успешно минимизировать ущерб от введенных против них ограничений как благодаря активизации двусторонней взаимовыгодной кооперации, так и